

Янь Фуи открыл глаза.

В комнате стоял глубокий полумрак. Окна и двери были наглухо заперты, а тяжелые портьеры — плотно задернуты.

Он лежал неподвижно, бездумно разглядывая роскошный балдахин над кроватью в резиденции градоначальника, и лишь спустя несколько мгновений осознал: зрение вернулось к нему.

Отголоски невыносимой боли, пережитой в иллюзорном царстве, все еще отдавались в теле, отчего пробуждение казалось возвращением с того света. Мысли путались. Янь Фуи никак не мог вспомнить, как именно вырвался из ловушки. Последнее, что удержала память, — бескрайнее, ослепительное золотое сияние.

Опершись на локти, он с трудом приподнялся на постели.

Ему смутно помнилось, что меч Уван, от которого не было ни весточки с той самой злополучной ночи, в иллюзии вновь отозвался на его зов.

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как в глубине сознания раздался чистый, хрустальный звон, словно у самого уха легонько коснулись палочкой нефритового гонга.

На краю духовного моря возникло мягкое, ласкающее тепло. На кончиках поднятых пальцев Янь Фуи затеплился слабый серебристый свет. Искры с трудом потянулись друг к другу, соткавшись в крошечный клинок размером с палец.

Янь Фуи изумленно сморгнул. Меч ласково ткнулся острием в его ладонь, а затем взмыл в воздух, пытаясь прикоснуться к щеке.

— Ты...

Он успел произнести лишь одно слово, как струйка духовной энергии, хлынувшая от прикосновения к духовному мечу, разом сорвала замки с его заблокированной памяти.

В сознании всплыли разрозненные образы. Они хаотично кружили в голове, лишенные начала и конца, — то ли отголоски событий многолетней давности, то ли видения, явившиеся перед самым пробуждением.

Янь Фуи вспомнил, как Уван — его верный клинок — вот так же доверчиво и послушно ластился к чьей-то чужой ладони.

Лица незнакомца было не разглядеть, но это точно был статный молодой заклинатель. Память удержала лишь богатые парчовые одежды да упрямо сжатые, словно в гневе, губы.

В тот момент сам Янь Фуи не мог и пальцем пошевелить. Он лишь бессильно прищурился, гадая, явился ли этот человек спасти его или пришел нанести последний, смертельный удар.

Вероятнее всего, последнее: в конце концов, даже те, кого он считал самыми близкими, жаждали его смерти.

Янь Фуи тогда безумно замерз. Казалось, из него выцедили всю кровь до капли; в душе не осталось сил даже на простые чувства. Пронзи его кто-нибудь в ту секунду мечом в грудь, он, пожалуй, почувствовал бы лишь благодарность.

«Но ведь это нельзя было бы назвать самоубийством».

Янь Фуи даже теперь мысленно пустился в оправдания перед самим собой: у него просто не осталось ни сил, ни причин для сопротивления.

Однако тот человек лишь бережно склонился над ним и обеими руками, словно оберегая величайшую драгоценность, принял Уван.

— Хочешь убить меня? — тихо спросил тогда Янь Фуи.

Сорванный, хриплый голос прозвучал до того жалко, что Янь Фуи сам поморщился от отвращения. Наверняка у любого мстителя мигом пропал бы весь задор от расправы над столь ничтожным противником.

«Даже как-то неловко получилось».

Незнакомец, казалось, опешил. Покорность и безмятежное равнодушие Янь Фуи перед лицом смерти почему-то разозлили его еще сильнее.

Значит, убивать его не собирались.

Убедившись в этом, Янь Фуи подавил легкое разочарование. Он ума не мог приложить, чего от него хотят.

И тогда он лишь виновато улыбнулся — извиняясь за то, что ничем не может помочь.

Янь Фуи всегда стремился быть полезным. Будь то растерянные младшие братья и сестры, оказавшиеся на краю гибели бродячие заклинатели, загнанные в угол простые смертные или перепуганные демоны, за которыми охотились каратели.

Вот только делал он это, по всей видимости, из рук вон плохо. Что бы он ни предпринимал,

благие намерения неизменно оборачивались катастрофой.

Так случилось с Тиншуаном, так произошло с Цинхэ. С главой ордена, с учителем, с юным гением Сяо Фэном, только-только начавшим свой путь, и даже с нынешним молодым господином демонов Цзоу Хо — со всеми без исключения.

Янь Фуи мотнул головой, отгоняя тяжелые думы. Он ведь обещал Шихэну Фуюю больше не беречь старые раны.

Возможно, ему стоило проявить чуть больше смелости... или даже эгоизма.

В воспоминании Янь Фуи перевел взгляд на чужую ладонь. Лица незнакомца он так и не увидел, да оно его и не волновало. Все внимание было приковано к крошечному, ласковому клинку. Поколебавшись, Янь Фуи тихо, почти умоляюще спросил:

— Не мог бы ты... вернуть его мне?

«Ведь это мое. Пожалуйста, верни мне то, что принадлежит мне».

Что произошло дальше, скрыл туман забвения.

Янь Фуи вновь открыл глаза в тускло освещенной комнате и с недоверием уставился на парящий перед ним меч.

Неужели Уван, бесследно исчезнувший так давно, вернулся лишь потому, что он набрался наглости и сам его попросил?

Но разве такое возможно?

Он не помнил, чтобы платил за это или предлагал что-то взамен. Неужто достаточно было пары слов, чтобы получить желаемое?

Разве в жизни бывают такие чудеса? А даже если и бывают, с чего бы судьбе проявлять щедрость именно к нему?

И все же весело кружащий перед глазами духовный клинок был более чем реален. Янь Фуи некоторое время заворуженно наблюдал за ним, гадая, не бредит ли он наяву.

Уван всегда отличался крутым и гордым нравом. В прежние времена Янь Фуи как ни уговаривал его, тот и близко не подпускал к себе Тиншуана — что уж говорить о том, чтобы покорно ластиться к кому-то чужому...

Когда-то, исследуя древние тайные обители, Янь Фуи повстречал могущественного мастера. Тот заметил, что и хозяин, и его оружие слишком бескомпромиссны, а потому легко могут сломаться. Янь Фуи смиренно внял наставлению, но Уван так оскорбился, что в щепки разнес один из магических артефактов старца. Бедному Янь Фуи тогда пришлось долго извиняться за буйство своего меча.

К счастью, мастер не обиделся. Он лишь расхохотался и, поглаживая бороду, назвал клинок на редкость своенравным.

Но внезапно смех его оборвался. Старец пристально, изучающе оглядел юношу и его меч, словно силясь припомнить что-то давно забытое.

— Юный друг, — серьезно спросил тогда мастер. — Не желаешь ли ты стать моим учеником?

Янь Фуи с вежливым поклоном отказался, объяснив, что уже состоит в ордене.

Однако старец не отступался. Он ходил за ним по пятам два дня, твердя, что лишний наставник никогда не повредит, да и связь их наверняка тянется из прошлых жизней. В итоге он настойчиво зазывал Янь Фуи к себе на гору — хотя бы просто погостить. А если правила Куньлуня слишком суровы, он сам уладит все бумажные формальности с главой ордена.

В конце концов Янь Фуи сдался под таким напором и уже готов был согласиться, как вдруг прилетел вестник из Куньлуня. В ордене стряслась беда, его требовали немедленно назад. Послание было столь спешным, что времени на прощание не осталось: набросав короткую записку, Янь Фуи той же ночью встал на меч и полетел обратно.

А потом...

Потом все завертелось безумным вихрем. Гибель шисюна, затворничество главы... События покатались под откос с пугающей быстротой, и Янь Фуи начисто позабыл о той встрече.

Наверное, это и к лучшему: когда поползли грязные слухи о его бесчинствах, старец, должно быть, вздохнул с облегчением, порадовавшись, что не взял к себе такого ученика. Прошрое осталось в прошлом.

«Куда это меня занесло?»

Янь Фуи тряхнул головой, отгоняя посторонние мысли. Немного переведя дух, он вспомнил о Фэн Сюя. Малыш Фэн пострадал из-за него в иллюзии — ранен ли он?

С возвращением Увана в меридианах затеплилась едва уловимая духовная сила. Янь Фуи пока не понимал, как это работает, но теперь он по крайней мере мог открыть свой мешочек цзянькунь, чтобы достать целебные пилюли и духовные камни.

Когда-то его цянькунь ломился от сокровищ. Но если не считать этого побега, когда испуганные шиди и шимэй в суматохе силой всучили ему свои скромные запасы, Янь Фуи никогда не брал из кладовых Куньлуня ни единой крупы.

За пять лет, что он исполнял обязанности Старшего шисюна и фактически управлял делами ордена, Куньлуню приходилось туго. Янь Фуи не только не притрагивался к запасам Зала Эликсиров и Трав или кузниц, но и постоянно тратил собственные средства, чтобы младшие ни в чем не нуждались, а орден продолжал жить.

Узнай об этом Шихэн Фууй, он непременно отчитал бы его за расточительство.

И чье, спрашивается, добро он расточал? Ли Фууй, хоть и был сыном главы ордена, всегда радовался как ребенок, когда Янь Фуи брал что-то для себя из кладовых, и недовольно кривился, стоило тому безвозмездно сдать добытые в походах сокровища в общую казну.

Воспоминания о шисюне вызвали на его губах теплую улыбку.

Решив не забивать голову тем, что стряслось в иллюзии, Янь Фуи выбрал подходящие лекарства и собрался навестить малыша Фэна.

Тело почти не болело. Осторожно спустив ноги с кровати, Янь Фуи поднялся и с облегчением убедился, что может твердо стоять на ногах.

Сделав несколько шагов по комнате, он довольно улыбнулся: хромота быстро проходила, движения вновь обретали былую уверенность.

В последнее время ради лучшей координации при обороне города все сильнейшие заклинатели разместились прямо в резиденции градоначальника.

Маркиз Обнимающий Меч проявил завидное гостеприимство, отведя Янь Фуи покои в главном дворе.

Если память ему не изменяла, комната Фэн Сюя находилась совсем рядом — буквально в двух шагах.

Подумав мимоходом, что раньше его комната не казалась такой мрачной, Янь Фуи потянулся к двери.

Он толкнул створку, но она даже не шелохнулась.

Янь Фуи удивленно замер и нажал сильнее. Он никогда не запирал дверей — створки всегда оставались приоткрытыми на случай внезапного нападения, чтобы гонцы или сам Юй Чанмин

могли беспрепятственно войти для обсуждения военных планов.

Но сейчас тонкое дерево словно намертво приварили к косякам.

— Братец?..

Янь Фуи резко обернулся и лишь теперь заметил Гуань Сяохуа. Малышка притаилась в самом темном углу. Личико ее было испачкано сажей; она терла сонные глазки кулачками и испуганно смотрела на него.

Янь Фуи тихонько вздохнул и, подойдя к девочке, краем широкого рукава бережно стер грязь с ее щек.

Липкое предчувствие беды ледяной волной прокатилось по позвоночнику. Он еще не понимал, что стряслось, но знакомый до боли холод уже сжимал сердце. Будто невидимая ядовитая змея, долго таившаяся в засаде, наконец обнажила клыки.

Сяохуа не выдержала и громко разрыдалась.

— Б-братец... — сквозь рыдания выдавила она.

Крупные слезы градом катились по ее пухлым щечкам, а глаза припухли и покраснели. Оглушительно ревя, она бросилась к Янь Фуи, стоило ему раскрыть объятия, и уткнулась носом в его белоснежные одежды, безжалостно размазывая слезы.

— Они говорят... говорят, папа и мама погибли! Врут! Всё они врут!..

Сердце Янь Фуи болезненно сжалось.

Он гладил девочку по голове, не находя слов для утешения, и чувствовал тяжелую вину. С тех пор как они прибыли в Мосян, суматоха и бесконечные бои на крепостных стенах целиком поглотили его. Он так и не нашел времени навестить жителей деревни Лаотан.

В его душе на миг вспыхнуло безумное желание спросить Сяохуа, что она будет делать дальше, и предложить ей пойти с ним.

Но он тут же безжалостно зачеркнул этот порыв.

Еще в деревне Лаотан он заметил, что у этой простой деревенской дечушки невероятный, редчайший дар к мечу. Теперь же, когда в его теле заструилась капля духовных сил, Янь Фуи отчетливо осознал: Сяохуа, как и он когда-то, родилась с Костями Меча. Сама судьба

предначертала ей стать величайшим мастером клинка.

Будто он прежним Первым старшим братом Куньлуня, он без колебаний взял бы ее в ученицы.

«Но теперь...»

«С моим клеймом и грехами... я лишь погублю ее».

Пока Янь Фуи подбирал слова, Сяохуа вдруг затихла.

Утерев грязным кулачком нос, она шмыгнула и посмотрела на заклинателя. В ее детских чертах неожиданно проступила не по годам суровая, твердая решимость.

— Братец, беги скорей! Они... они хотят выдать тебя!

Рука Янь Фуи, гладившая ее по спине, замерла.

— Что? — прошептал он.

— По всему городу развесили твои рисунки! Там написано, что ты злодей, но это неправда, они всё врут!

— Я побежала искать тебя, а у ворот усадьбы собралась огромная толпа. Они кричат господину Юю, чтобы он отдал тебя какому-то молодому господину демонов! Говорят, только тогда боги смилятся и спасут город.

— Я... я кидала в них камни! А они кричали в ответ, что мои папа и мама мертвы... — Губы девочки снова задрожали, и она безутешно зарыдала.

Янь Фуи крепко прижал девочку к себе. Грудь сдавило так, словно туда вогнали раскаленные тиски.

— И тогда, — как можно мягче спросил Янь Фуи, хотя голос его дрожал, — они заперли тебя вместе со мной?

Малышка закивала так отчаянно, словно жаловалась на все несправедливости мира, и разрыдалась с новой силой.